

Он склонился над столом, растирая тушь и взяв кисть, написал краткое письмо, переписывая его дважды, так как слезы, непослушные, то и дело падали на бумагу, размывая чернила.

В конце он достал маленький тканевый узелок, развернул слои белого шелка, и там, среди складок, лежала сморщенная ягодка боярышника. Хотя она высохла и потеряла влагу, вырезанное на ней иероглифическое «сердце» все еще было отчетливо видно.

Гу Шаобай положил боярышник на письмо, вытер слезы, встал и открыл дверь, выйдя наружу. Зимнее солнце было ослепительным, но невероятно холодным.

— Му Цинфэн, твое сердце, я возвращаю тебе!

Афэн:

Мое путешествие завершается, прощаюсь с тобой!

В прошлую ночь, когда я представился, я дал тебе противоядие. Император требует, чтобы я был единственным, но, размышляя долгое время, я понял, что все боятся смерти!

Я виновен перед тобой, не заслуживаю прощения, поэтому мне стыдно смотреть тебе в глаза.

С этого дня, в течение многих лет, я буду путешествовать с братом Цзи, не думай обо мне и не вспоминай!

Твое сердце я возвращаю тебе, а свои чувства оставлю при себе!

Все, что произошло ранее, действительно моя вина!

Прошлое утрачено, я прощаюсь здесь!

Шаобай поклоняется.

Какое великолепное «Прошлое утрачено»!

Какое великолепное «Твое сердце я возвращаю тебе»!

Какое великолепное «отступить и довольствоваться вторым местом с братом Цзи»!

Пальцы Му Цинфэна сжимали письмо, пропитанное чернилами, словно он сжимал шею этого безжалостного человека. Он хотел спросить, какое сердце у тебя, чтобы быть таким жестоким?

Ты не веришь, что я могу умереть вместе с тобой!

Ты не веришь, что я могу снова просить императора!

Могу ли я спросить тебя, во что ты верил?

Му Цинфэн внезапно встал, подошел к кровати, сбросил подушку, сбросил одеяло и, наконец, тяжело сел на кровать. Узел в форме цветка сливы, который он хранил у сердца, исчез. Его вещи, он забрал их!

Он посмотрел на фиолетово-красный боярышник на полу, молча подошел, поднял его. Ягода лежала на его ладони, изменившись, будучи раздавленной его гневом, с трещинами, словно улыбка Гу Шаобая, когда он смеялся. Му Цинфэн прижал губы к ней, две слезы тихо скатились

по щекам, смочив «сердце».

— Это несправедливо с твоей стороны... — Цзи Цзяньчэнь, держа поводья, недовольно пробормотал.

— Почему, когда ты был полон сил, ты посвящал себя Му Цинфэну, а теперь, когда умираешь, передаешь мне?

Гу Шаобай, слабый, прислонился к Цзи Цзяньчэню, разделяя с ним лошадь, быстро мчался по дороге.

Он был закутан с головы до ног, словно цзунцзы, его голос, проходя через маску, был тихим, как комариный писк.

— Мне просто некуда идти. Неужели ты хочешь, чтобы я умер дома и заставил отца и второго брата страдать?

— А разве я не буду страдать? — Цзи Цзяньчэнь был опечален, но все же улыбался.

Гу Шаобай повернул голову, чтобы посмотреть на него, прищурив глаза.

— Ты сильный духом!

— Благодарю за комплимент, — рассмеялся Цзи Цзяньчэнь на ветру, но в душе ругал его. — Чувшь, легко ли мне было влюбиться в кого-то? Каким ты видишь меня сильным духом?

— Два дня назад я предлагал тебе уйти со мной, а ты тянул до последнего. Я вижу, ты все еще не боишься смерти! — Цзи Цзяньчэнь сказал с досадой.

Гу Шаобай не ответил. Разве он не боялся смерти?

Если бы была хоть малейшая надежда, кто бы отказался?

Два дня назад Гу Шаобай нашел Цзи Цзяньчэня и рассказал ему о своем отравлении, потому что он слышал, как Цзи Цзяньчэнь говорил, что в «Башне Черных Одежд» есть Призрачный Лекарь Сыту Хай. Цзи Цзяньчэнь сразу же хотел увезти его, но Гу Шаобай настаивал на том, чтобы подождать еще два дня.

Он не хотел расставаться с Му Цинфэном, он жаждал этих двух дней, чтобы снова почувствовать себя человеком, он еще не успел хорошо отнестись к нему!

А что, если Сыту Хай не сможет его спасти?

Эти два дня, проведенные вместе, будут прощанием, он просто не хотел, чтобы Му Цинфэн забыл его!

— Цзяньчэнь, если я умру... — он замолчал, чувствуя, что это слишком жестоко для Цзи Цзяньчэня. — Я имею в виду, если... — Гу Шаобай посмотрел на его лицо, видя, что тот еще не разозлился, и продолжил. — Сначала не говори отцу и второму брату, подожди три-пять лет, а потом скажи... Что касается Люняня и Сяо Фана, им можно сказать. У Люняня есть Сяо Фан, он будет грустить какое-то время, а потом все пройдет.

— И ты, — он улыбнулся, слеза в уголке глаза была унесена ветром. — Я не беспокоюсь о тебе. У тебя так много тех, кто тебе нравится, и тех, кому ты нравишься. Конечно, ты не будешь из-

за меня лезть в петлю, но и не грусти слишком долго...

— Хватит! — Цзи Цзяньчэнь вдруг прервал его, его голос был необычно низким и с оттенком раздражения.

Этот человек рассердился, Гу Шаобай поспешно закрыл рот, но все же украдкой посмотрел на него. Даже в гневе он выглядел так красиво, настоящий демон!

К закату они наконец добрались до «Башни Черных Одежд».

«Башня Черных Одежд» была поместьем, построенным у подножия горы. Незнающий мог подумать, что это место, где какой-то князь или знатный человек уединился от мира.

Горная дорога была выложена ровными ступенями, вдоль которых журчал ручей, а деревья были пышными.

Цзи Цзяньчэнь нес его на спине вверх по дороге.

Гу Шаобай чувствовал, что все его тело горит, губы потрескались, на лбу выступил пот. Он ощущал, как вся влага в его теле испаряется, горло было настолько сухим и болезненным, что он не мог говорить.

Несмотря на это, красота «Башни Черных Одежд» поразила его. Он с удивлением обнаружил, что ручей, оказывается, был теплым, вода в нем была из горячего источника.

Вдалеке виднелись павильоны и беседки, скрытые среди деревьев, вершина горы была окутана облаками, словно сказочный мир.

Цзи Цзяньчэнь положил Гу Шаобая на большой камень, чтобы немного отдохнуть.

Свет заката отражался в его глазах, Гу Шаобай оказался в золотом море. Цзи Цзяньчэнь смотрел на его спокойный и нежный профиль, и в одно мгновение его озарило. Он понял, что этот человек перед ним — как самая драгоценная нефритовая статуэтка, которую он может лишь охранять, но не трогать, потому что Цзи Цзяньчэнь предпочитает цветы и красоту, а не этого нежного и благородного человека.

Гу Шаобай был прав, он не был его типом!

На полпути в гору Цзи Цзяньчэнь занес его в пещеру, говоря по пути:

— Сыту Хай — странный старик, он вырубил себе пещеру, чтобы жить там. Сказал, что это соответствует его званию «Призрачного Лекаря».

Пещера была неглубокой, через несколько метров она расширялась.

Гу Шаобай изо всех сил пытался сосредоточиться, его веки тяжелели, зрение расплывалось, и он лишь смутно видел тени впереди.

Старик дремал среди кучи бутылок и банок, когда Цзи Цзяньчэнь разбудил его пинком.

Старик потер глаза, увидев Цзи Цзяньчэня, лениво зевнул, совсем не проявляя уважения, подобающего подчиненному перед своим начальником.

— Эх, мои старые кости скоро сломаются от таких пинков, мой господин!

Цзи Цзяньчэнь не обращал на него внимания, помог Гу Шаобаю лечь на большой плоский камень в пещере.

В полубессознательном состоянии Гу Шаобай слышал их разговор, но он был как будто за облаками, он не мог ни расслышать, ни разглядеть. Перед глазами были лишь серые и черные тени, словно стая воронов махала крыльями, закрывая обзор.

Жар в груди усиливался, внутренности словно поливались кипящим маслом, шипели и пузырились, боль становилась все сильнее. Он хотел позвать Цзи Цзяньчэня, но даже набрать воздуха для крика у него не было сил.

Погружаясь в темноту, он словно увидел человека, стоящего на фоне весеннего солнца, с невероятно нежной улыбкой, хвалящего его:

— Хорошая мелодия! Прекрасный человек!

Он шевельнул губами, беззвучно сказав тому человеку:

— Афэн, я счастлив, что в этой жизни смог полюбить тебя!

— Противоядие готово? — спросил Цзи Цзяньчэнь.

— Нет, — Сыту Хай покачал головой.

— Ты еще не приготовил противоядие, а смеешь спать! — Цзи Цзяньчэнь нахмурил брови, потеряв всю свою элегантность.

Сыту Хай, однако, не спеша поднялся с пола, опрокинув несколько бутылок и банок.

— Мой господин, я получил ваше письмо с голубем. У меня уже есть план, зачем вы так торопитесь?

Цзи Цзяньчэнь, услышав это, развеселился.

— Правда? Какой план?

Сыту Хай подошел к шкафу с сокровищами, открыл ящик и достал маленькую коробочку размером с ладонь.

— Вы писали, что «Пилюля Возвращения к истоку» из Байюэ может вылечить яд. Удивительно, но у меня нет этой пилюли, зато есть это...

Цзи Цзяньчэнь открыл крышку коробки. На красном бархате лежал засохший цветок. Даже высохший, его лепестки все еще были прозрачными, как стекло, и изящно расправлены.

— Это...

Сыту Хай, поглаживая бороду, самодовольно улыбнулся.

— Это бесценный, редкий, за который не купишь даже за тысячи золотых... Ой, мой господин, не бейте меня... Это цветок, который может воскресить мертвых и восстановить плоть, — «Ледяной лотос».

Сыту Хай потер свою задницу, обиженно глядя своими маленькими глазами.

Автор хотел бы сказать:

Ребята, я сам себя довел до слез!

<http://bllate.org/book/16730/1539030>